

П Е Р Е В О Д Ы

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
К "ТИБЕТСКОЙ КНИГЕ МЕРТВЫХ" х)

х) Перевод "Тибетской книги мертвых" предназначен главным образом для западного читателя и ставит своей задачей описать важнейшие восточные концепции в западных терминах. Пытаясь облегчить эту нелегкую задачу, К.Г. Внг написал "Психологический комментарий", в котором вынужден был прибегнуть к понятиям, привычным для западного сознания, но вызывающим порой возражения у восточного читателя.

Одно из таких понятий — д у ш а. Согласно буддистским представлениям человеческая душа преходяща, иллюзорна и лишена подлинной реальности. Немецкое слово *Seele*, используемое Внгом в оригинальном тексте "Психологического комментария" не равнозначно английскому слову *soul*, хотя обычно им переводится. *Seele* — освященное германской традицией и великими немецкими мистиками и поэтами /такими как Экхарт и Гете/ понятие для обозначения Абсолютной реальности, которую символизирует женское начало, ш а к т и. Внг поэтически соотносит это слово с *Psyche*, понимаемой им как "коллективная душа". В психологии *Psyche* соответствует коллективное бессознательное, матрица или чрево всего сущего.

Прежде чем приступить к комментарию, необходимо сказать несколько слов о самой книге. "Тибетская книга мертвых" /"Бардо Тедол"/ — это книга наставлений, предназначенных умирающему и умершему. Подобно "Египетской книге мертвых", она служит путеводителем по области Бардо, символически описываемой как промежуточное состояние продолжительностью в 49 дней между смертью и новым рождением. Книга состоит из трех глав. Первая глава /"Чигай Бардо"/ описывает психические явления, происходящие в момент смерти; вторая /"Ченид Бардо"/ — состояние, наступающее сразу после смерти и так называемые "миражи кармы"; третья /"Сидна Бардо"/ — возникновение инстинкта рождения и явлений, предшествующих новому рождению. Согласно "Книге мертвых" просветление, а значит максимальная возможность освобождения — достигается в момент смерти. Вскоре после нее появляются "миражи", которые в конечном итоге приводят к перевоплощению; ослепительный свет постепенно дробится и тускнеет, а видения становятся все более ужасными. Эта деградация символизирует отчуждение сознания от освобождающей истины по мере приближения к физическому рождению. Наставления "Книги мертвых", которые ламы читают над телом умершего, предназначены для того, чтобы на каждом этапе появления новых иллюзий и заблуждений напоминать умершему о возможности освобождения и объяснять природу его видений.

Появление в англоязычных странах в 1927-году "Бардо Тедол", удачно названной ее издателем В.Эванс-Вентцем "Тибетская книга мертвых", вызвало настоящую сенсацию. Она принадлежит к разряду книг, которые представляют интерес не только для специалистов по буддизму; своей человечностью и глубочайшим проникновением в тайны психики, она особо привлекает внимание непрофессионалов, жаждущих расширить свои знания о жизни. Со времени своего издания в Европе "Книга мертвых" была моим постоянным спутником — ей я обязан важными идеями, открытиями, и прозрениями. В отличие от "Египетской книги мертвых", которая говорит одновременно слишком много и слишком мало, "Бардо Тедол"

вполне умопостигаемое учение, предназначенное не для богов или дикарей, а для обычных людей. "Светлые" и "темные" божества понимаются в ней как сансарические проекции человеческой психики, что кажется очевидным просвещенному европейцу, поскольку напоминает его собственные банальные представления. Но хотя европеец без труда видит в этих божествах проекции, он совершенно не способен говорить об их одновременной реальности. "Книге мертвых" это удастся, поскольку в своих метафизических предпосылках она занимает более выгодное положение, чем просвещенный (и непросвещенный) европеец. "Книга мертвых" исходит из неявного допущения $\Rightarrow$ антимичности любых метафизических утверждений, а также из идеи качественного своеобразия разных уровней сознания и обусловленных ими метафизических реальностей. В основу этой удивительной книги положено не скудное европейское "или-или", а величественное и утверждающее "и-и". Эта формула может показаться западному мыслителю спорной, так как Запад любит ясность и недвусмысленность, благодаря чему один западный мыслитель может рьяно доказывать существование Бога, а другой с неменьшей категоричностью — отрицать. Интересно, как отнеслись бы враждующие стороны к следующему высказыванию:

"Сознавая тщету усилий твоего ума для достижения состояния Будды и понимая, вместе с тем, что это — лишь плод твоего сознания, ты достигнешь состояния Божественного разума Будды?"

Борься, что такого рода высказывания совершенно неприемлемы и для философов, и для теологов Запада. "Книга мертвых" в высшей степени психологична, тогда как западная философия и теология до сих пор пребывают на средневековом, допсихологическом уровне: позволено выслушивать, объяснять, защищать и критиковать только отдельные высказывания, а лежащие в их основе догмы выносятся за пределы всякого обсуждения.

Вместе с тем понятно, что любые метафизические суждения — это суждения души, и следовательно — психологические суждения. Европейскому сознанию, компенсирующему свое знаменитое чувство ущемленности рабской привязанностью к "рациональным" объяснениям, эта очевидная

истина представляется или слишком очевидной или недопустимым отрицанием метафизической "истины". Всякий раз, когда европеец слышит слово "психологический", он воспринимает его как "т о л ь к о психологический". "Душа" кажется ему чем-то ничтожно малым, недостойным внимания, субъективным, сугубо личным и т.д., поэтому он предпочитает ей слово "разум" и любое свое суждение — сколь бы субъективным оно ни было — склонен относить на счет "разума" (подразумевая при этом "Универсальный Разум" и даже "Абсолют"). Вероятно, такая удивительная самонадеянность — своеобразная компенсация униженной "души". А. Франс верно уловил суть западной цивилизации, когда Екатерина Александрийская из "Острова пингвинов" советует Богу: "Дай им душу, только крошечную!"

Именно душа, наделенная божественной творческой энергией, делает метафизические утверждения и устанавливает различия между метафизическими сущностями. Душа — не только условие метафизической реальности, но и сама реальность.

Со столь глубокой психологической истины начинается "Книга мертвых". Эта книга — не описание погребального обряда, а система наставлений для умершего, путеводитель по области Бардо с ее разнообразными явлениями, среди которых душа пребывает в течение 49 дней с момента смерти человека до его нового рождения. Если читатели "Книги мертвых" будут исходить из вневременности души — что на Востоке считается самоочевидным — они без труда поставят себя на место умершего и внимательно прислушались к поучениям, с которых начинается книга и представление о которых дает приведенная выше цитата. И тогда ничуть не самонадеянно, но смиренно прозвучат слова:

"О благородно-рожденный, слушай! Сейчас ты созерцаешь Сияние Чистейшего Света Совершенной Реальности. Познай его. О благородно-рожденный, твой разум пуст, он лишен формы, свойств, признаков, цвета; он пуст — это сама Реальность.

Твой разум сейчас пуст; но это не пустота Небытия, а разум как таковой, свободный, сияющий, трепещущий, блаженный; это само Сознание, Всеблагой Будда".

Осознание этого — есть состояние абсолютной просветленности, Д х а р м а — К а й я, или, прибегая к знакому языку, творческой основой всех метафизических суждений является сознание, незримое, неуловимое проявление души. "Пустота" находится за пределами каких бы то ни было суждений и утверждений, однако вся полнота ее разнообразных проявлений скрытно пребывает в душе.

Далее в "Книге мертвых" говорится:

"Твое сознание, сияющее и пустое, неотделимо от Великого Источника Света, оно не рождается и не умирает, оно — Немеркнущий Свет, Будда Амиитаба".

Душа /или индивидуальное сознание/ не ничтожна, она и есть Сияющее Божество. Запад считает такое явление опасным /а то и просто богохульным/, или бездумно принимает его, страдая впоследствии от теософской инфляции. В этом вопросе мы всегда умудряемся занять неверную позицию. Но если бы нам удалось преодолеть себя и избежать главной ошибки — непрестанного желания что-то делать с вещами, находить им практическое применение — возможно, мы сумели бы усвоить важный урок, который дает "Книга мертвых" /или, по крайней мере, осознать ее величие/: она открывает умершему глубочайшую истину, согласно которой боги есть сияние и отражение нашей собственной души. Солнце для восточного человека, не меркнет, как это случилось бы с христианином, который почувствовал, что у него похитили Бога; напротив, его душа есть свет Божества, а Божество есть душа. Восток с большей легкостью принимает этот парадокс, чем, скажем, Ангел Силезский, психологичность которого обогнала даже наше время.

"Книга мертвых" говорит умершему о первичности души, что крайне важно, поскольку это единственное, в чем жизнь нас не убеждает. Наша жизнь настолько заполнена теснящими и подавляющими нас вещами, что, окруженные "данностями", мы не находим времени поразмыслить: а кем они "даны"? Умерший освобождается от мира "данностей"; цель поучений "Книги мертвых" — помочь этому освобождению. Если нам удастся поставить себя на место умершего, нас ожидает

не меньшая, чем его, награда: с первых же строк "Книги мертвых" узнаем, что "податель" всего "данного" пребывает внутри нас. Эта истина, вопреки всей очевидности ее проявлений в большом и малом, неизвестна нам, хотя знать ее жизненно необходимо. Впрочем, такое знание годится только созерцателям, жаждущим постичь смысл существования, гностикам по темпераменту, верящим в спасение через "познание жизни". Чтобы увидеть мир как "данный" сущностью нашей души, необходим радикальный переворот в мировоззрении, требующий немалых жертв. Представление о том, что все происходит "для меня" более непосредственно и впечатляюще /и потому более убедительно/, нежели мысль о том, что все происходит "из меня" — животная природа человека не позволяет ему видеть в себе творца своих обстоятельств... Вот почему любые попытки такого рода оказывались предметом тайных посвящений, достигавших, как правило, апогея в символической смерти посвящаемого, долженствующей указать на необратимый характер происшедшего изменения. Фактически, наставления "Книги мертвых" служат умершему напоминанием о его посвящении, о том, чему обучал его ранее **г у р у** — поскольку эти наставления есть ни что иное, как посвящение умершего в жизнь **Б а р д о**, равно как посвящение живущего означает приготовление к загробной жизни. Так, по крайней мере, обстоит дело во всех тайных культах древних цивилизаций со времен египетских и элевсинских мистерий. Однако при посвящении живущего ~~в~~ загробный мир — это не мир после смерти, а переворот в его взглядах и стремлениях, психологический загробный мир, или, прибегая к христианской терминологии, искупление мирских и греховных соблазнов, отделение и избавление от прежнего состояния неведения и мрака, выход за пределы всякой "данности", просветление и освобождение..

Итак, "Книга мертвых" описывает процесс посвящения, цель которого — вернуть душе божественную сущность, утраченную ей с физическим рождением. Для восточной религиозной литературы характерно то, что учение неизменно начинается с самого главного, с основных принципов, которые на Западе появляются, как правило, в конце /так Луций у Апулея обращается с молитвой к Гелиосу только в конце

книги/. В соответствии с этим, посвящение описывается в "Книге мертвых" как ряд ослабевающих пульсаций, завершающийся новым рождением. Единственная разновидность посвящения, которая существует в настоящее время на Западе это психологический анализ бессознательного, осуществляемый с терапевтическими целями. Такое проникновение в сферы, лежащие ниже сознания— разновидность рациональной майевтики по Сократу: выявление психического содержания, пребывающего в зародыше в подсознании. Первоначально эта терапия была связана с психоанализом Фрейда и сосредотачивалась, в основном, на сексуальных фантазиях. В "Книге мертвых" этой сфере соответствует последняя, низшая область, С и д / а , в которой умерший, не сумевший усвоить смысл поучений двух первых глав книги— "Чигай Бардо" и "Ченид Бардо"— становится жертвой сексуальных фантазий и прельщается видениями соединяющихся любовных пар. Наконец, одно из чрев улавливает его и вновь рождает в этом мире. Тем временем, как и следовало ожидать, в действие вступает Эдипов комплекс. Если к а р м а умершего такова, что он вновь родится мальчиком, то он влюбится в свою будущую мать и возненавидит отца и наоборот, будущая девочка почувствует влечение к тому, кто станет ее отцом, и отвращение к матери. Европейец проходит через эту специфически фрейдистскую область, когда с помощью психоанализа, на свет извлекается содержание его бессознательного, но он движется при этом в обратном направлении— от детских сексуальных фантазий к чреву. В кругах психоаналитиков было даже высказано предположение о том, что главная психическая травма обусловлена переживаниями в момент рождения; более того, психоанализ пытается восстановить воспоминания о внутриутробном периоде существования. К несчастью, европейский ум достигает на этом своего предела. Я говорю "к несчастью", ибо можно, казалось бы, ожидать, что психоанализ Фрейда успешно проникнет в область так называемых внутриутробных переживаний и пойдет дальше; произойди это— и психоанализ покинул бы область С и д а и проник в низшие слои Ч е н и д. Однако, опираясь на современные биологические представления, такое рискованное предприятие не может увенчаться успехом: для этого совер-

шенно недостаточно философской подготовки, основанной на нынешних научных предпосылках. Но если бы путешествие удалось продолжить, это, конечно, привело бы к постулату — о предутробном существовании /то есть о состоянии Б а р д о/ при условии, что удалось бы обнаружить хоть какой-нибудь след субъекта этого существования. Как известно, психоанализ не продвинулся далее чистых гипотез относительно внутриутробного опыта; даже пресловутая "травма рождения" оказалась обычным трюизмом вроде тех, что "жизнь — это болезнь с неблагоприятным прогнозом, исход которой всегда фатален".

Психоанализ Фрейда, по существу, не продвинулся дальше области С и д н а, то есть не смог отделить себя от сексуальных фантазий и подобных "несовместимых" тенденций, порождающих беспокойство и иные аффекты. Тем не менее фрейдизм предпринял первую на Западе попытку исследовать — хотя бы снизу, из сферы животного инстинкта — ту область психики, которой в тантрическом ламаизме соответствует С и д н а. Вполне понятный страх перед метафизикой помешал Фрейду проникнуть в сферу "окультурного". Помимо этого, согласно психологии "Сидна Бардо", состояние С и д н а характеризуется мощным потоком к а р м ы, уносящим умершего к "воротам чрева". Другими словами, из области С и д н а невозможно движение назад — она отрезана от области Ч е н и д интенсивным стремлением вниз, в сферу животного инстинкта и нового рождения. Это значит, что всякий, кто проникает в область бессознательного, исходя из чисто биологических предпосылок, неизбежно застрянет в сфере инстинкта и не сумеет покинуть ее, вновь и вновь выбрасываемый в мир физического существования. Именно поэтому фрейдизм — всегда остается в пределах негативной оценки бессознательного, исчерпываемой формулой: "ничего кроме". Вместе с тем, необходимо отметить, что подобное представление о душе — типично западное, но выраженное гораздо яснее, проще и безжалостнее, чем его выражали другие мыслители. Что касается "разума", то даже Макс Шелер с сожалением заметил, что его могущество, мягко говоря, сомнительно.

Можно считать несомненным, что с помощью психоанализа

рациональный западный дух вторгся в область С и д п и - и остановился здесь, удерживаемый догмой, согласно которой все психологическое субъективно и индивидуально. Но и такое вторжение оказалось полезным, поскольку позволило сделать новый шаг за пределы сознания. Кроме того, благодаря ему становится ясным, что европеец должен читать "Книгу мертвых" с конца к началу. Благодаря западной науке мы, в той или иной степени, осознали психологический характер "Сидны Бардо"; теперь перед нами стоит задача усвоения предшествующей ей главы "Ченид Бардо".

Состояние Ч е н и д - это область "миражей кармы" или иллюзий, истекающих из психического реликта прежних существований. Согласно восточным представлениям, к а р м а - нечто вроде психологической наследственности, основанной на гипотезе о перевоплощении /или ~~на~~ ^в ее крайней форме ~~на~~ ^{на} гипотезе о вневременности души/. Ни европейская наука, ни европейский разум не могут принять эту гипотезу. К тому же мы слишком мало знаем о посмертном существовании души и не понимаем, как вообще можно что-либо утверждать об этом. Более того, из эпистемологии известно, что утверждения такого рода столь же недоказательны, как утверждения о существовании Бога. Таким образом, принимая концепцию к а р м и, мы предусмотрительно истолковываем ее как психическую наследственность /в самом широком смысле этого слова/. Психическая наследственность действительно существует, так как наследуются такие психические характеристики, как черты характера, творческие способности, предрасположенность к болезням и т.п., причем психическая сущность этих сложных явлений ничуть не страдает от того, что естественные науки сводят их к тем или иным физическим явлениям /ядерные структуры в клетках и т.д./. Среди наследуемых психических свойств имеется класс свойств, не зависящих ни от рода, ни от расы, к которым принадлежит индивид, - универсальные характеристики разума. Их следует понимать по аналогии с платоновыми формами /*eidola* /, в соответствии с которыми разум организует свое содержание. Можно описать эти формы как категории, аналогичные логическим категориям - основным предпосылкам разума. Однако те "формы", которые

----- я имею в виду, относятся не к разуму, а к воображению. Поскольку плоды воображения в принципе визуальны, их формы с самого начала должны характеризоваться как образы, и более того-- как типичные образы /вот почему, следуя св.Августину я называю их "архетипами"/. Сравнительная ~~психики~~ история религий и мифологий, психиатрия и психология сновидений открывает богатейшие залежи архетипов. Поразительное единообразие этих образов и выражаемых ими идей послужило почвой, питающей самые фантастические построения "теории миграций"-- хотя гораздо естественнее задуматься об удивительном сходстве человеческой психики всех времен и ~~и~~ народов. Фантазии, имеющие архетипическую структуру, возникают самопроизвольно в любое время и в любом месте, даже если всякая возможность для их заимствования отсутствует. Исходные структурные компоненты психики столь же поразительно единообразны, как части человеческого тела. Архетипы-- это, так сказать, органы человеческой души, извечно наследуемые формы и идеи, которые сами по себе лишены определенного содержания, но обретают его в течение человеческой жизни, чьим опытом они заполняются. Если бы архетипы не существовали повсеместно и в одинаковых формах, то как можно, например, объяснить следующее совпадение: почти на каждой странице "Книги мертвых" говорится о том, что умершие не знают, что они мертвы-- и с этим же утверждением то и дело сталкиваешься в незрелой и смертельно скучной литературе европейского и американского спиритуализма? Впрочем, это утверждение можно найти и у Сведенборга, но его труды не столь распространены, чтобы из них могли заимствовать буквально все провинциальные "медиумы". Что касается связи между Сведенборгом и "Тибетской книгой мертвых", то она просто немыслима. Изначальная, универсальная, архетипическая идея о том, что умершие продолжают свое существование, не подозревая, что они бестелесные духи, реализуется непосредственно и зрительно, когда кто-нибудь видит привидение. Примечательно, что во всех частях света привидения обладают общими характерными чертами. Конечно, я знаком с не поддающимся проверке спира-

туалистическим объяснением этого явления, однако, не собираюсь вторить ему и вполне удовлетворен гипотезой об универсальной, но дифференцированной психической структуре, которая, передаваясь по наследству, формирует и направляет индивидуальный опыт. Подобно тому, как органы тела — не просто конгломераты инертной, пассивной материи, а динамические функциональные комплексы, настойчиво и властно заявляющие о своем существовании, так и органы психики — архетипы — это динамические подсознательные комплексы, детерминирующие психическую жизнь. Вот почему я называю их **доминантами бессознательного**. Сфере бессознательного, состоящей из таких универсальных динамических структур, я дал название "коллективное бессознательное".

Насколько мне известно, индивидуальные воспоминания о внутриутробном и предутробном существовании не наследуются, но, вне всякого сомнения, существуют наследуемые архетипы, которые лишены всякого содержания, так как не содержат личного опыта, который проявляет их в сознании, делает видимыми. Как уже было указано, психология **Сидпы** характеризуется желанием жить и быть рожденным /"Сидпа Бардо" значит "Область Стремления к Новому Рождению"/. Следовательно, это состояние препятствует опыту сверхличной психической реальности, если, конечно, индивид не сумеет категорически отказаться от нового рождения в мире. Согласно учению "Книги мертвых", в каждом из состояний **Бардо** индивид имеет возможность достичь **Дхарма-Кайи**, преодолев четыре склона Горы Меру, при условии, что его не собьют с пути "мерцающие огни". Говоря другими словами, умерший должен изо всех сил сопротивляться велениям разума — как мы его понимаем — и избавиться от господства своего "я", почитаемого разумом священным. На практике это означает полное подчинение объективным психическим силам со всеми вытекающими последствиями, своего рода символическая смерть, которая соответствует в "Сидпе Бардо" Суду Мертвых. Такая смерть означает конец сознательного, рационального, морально ответственного существования и добровольное подчинение "мирадам

карми". Миражи карми порождаются верой в фантастический, крайне иррациональный мир, который не выводится из разума и не согласуется с ним, а является плодом свободного воображения. Любой здравомыслящий человек предостережет нас, что все это — явная фантазия или бред, и, действительно, трудно с первого взгляда отличить "миражи карми" от фантазмагорий сумасшедшего. Нередко самого незначительного "ослабления психики" достаточно для того, чтобы породить этот иллюзорный мир. Мрак и ужас, который царит в нем, сходны с явлениями, описанными в начале главы "Сидна Бардо". Однако содержание этого Б а р д о обнаруживает архетипы — миражи кармы, появляющиеся в виде кошмаров. Состояние Ч е н и д можно уподобить искусственно вызванному психозу.

Мы часто читаем и слышим об опасностях, связанных с й о г о й — особенно с Кундалини-йогой. Умышленно вызванное психопатическое состояние может легко перейти у человека с неустойчивой психикой в настоящий психоз — к этой опасности следует относиться со всей серьезностью. Подобные вещи действительно опасны и не терпят западного подхода; здесь начинается игра с судьбой, способная потрясти основу человеческого существования и вызвать такой поток страданий, о котором обычный человек даже не подозревает. Эти страдания, соответствующие адским мукам области Ч е н и д, описаны в "Книге мертвых" так:

"И тогда Бог Смерти обернет вокруг твоей шеи петлю и повлечет за собой. Он отсечет тебе голову, вырвет сердце, вывернет чрево, высосет мозг, выпьет кровь, сожрет плоть, изложет кости, но ты не умрешь. Тело твое разорвут на части, но оно останется живым и воссоединится. Так будет повторяться снова и снова, и ты познаешь великую боль и муку."

Эти мучения удачно описывают реальный смысл опасности расчленения целостного тела Б а р д о, нечто вроде "тонкой материи", образующей оболочку психического "я" после смерти. Психологический эквивалент такого расчленения — явление диссоциации и ее крайняя форма шизофрении /расщепление личности/. Это самое распространенное психическое заболевание связано по сути дела с упомя-

нутым "ослаблением психики", благодаря которому исчезает контроль со стороны сознания и открывается неограниченный простор для деятельности подсознательных "доминант".

Таким образом, переход из состояния **С и д н а** в состояние **Ч е н и д** характеризуется опасным изменением целей и намерений сознания, отказом от устойчивого "я" и подчинением крайней неопределенности, воплощенной в хаосе форм. Фрейд продемонстрировал свою глубочайшую интуицию, назвав это "средоточием беспокойства". Страх пожертвовать собой скрывается в глубине каждого "я" и нередко свидетельствует о слабо сдерживаемых силах подсознания, готовых вырваться на свободу. Никто из стремящихся к достижению самости, не избавлен от этой опасности, поскольку то, что вызывает страх, также принадлежит самости: это подсознательная или надсознательная область психических "доминант", от которой "я" с огромным трудом, но лишь частично эмансипировалось во имя достижения в той или иной степени иллюзорной свободы. Безусловно, такая эмансипация необходима и даже героична, но ничего не решает: она лишь создает с у б ъ е к т а, вынужденного ради самоутверждения противопоставлять себя о б ъ е к т у. Даже поверхностный взгляд обнаруживает, что Запад переполнен проектами по достижению этой цели. В мире объектов мы ищем и находим трудности, препятствия и врагов: удобно, поместив все зло и все добро в видимые объекты, побеждать, наказывать и уничтожать зло и наслаждаться добром. Но сама природа не позволяет длиться этому состоянию райской невинности вечно. Всегда находятся люди, которые открывают, что мир объектов /и связанный с ним опыт/ по сути своей символичен и отражает лишь то, что пребывает в самом субъекте, в его собственной сверхсубъективной реальности. Эта глубочайшая интуиция, согласующаяся с ламаистским учением, помогает понять истинный смысл состояния **Ч е н и д** /"Ченид Бардо" означает Область Постигания Реальности/.

Согласно "Ченид Бардо", реальность, характеризующая состояние **Ч е н и д** - это реальность мышления. "Идеи" предстают здесь как нечто реальное, фантазия обретает

римые формы, перед умершим проходят ужасные видения, порожденные его кармой и направляемые "доминантами" бессознательного. Первым среди них /если читать книгу с конца/ появляется всесокрушающий Бог Смерти, воплощение всех ужасов; за ним следуют 28 "злосильных" и 58 "кровожадных" богинь. Несмотря на свой демонический облик и хаотическую смесь чудовищных атрибутов, все они подчиняются определенному порядку. Боги и богини образуют группы, в которых располагаются по четырем направлениям и различаются символическими цветами. Постепенно выясняется, что божества организованы в м а н д а л и, или круги с четырехцветным крестом внутри. Четыре цвета соответствуют следующим четырем аспектам мудрости:

Белый - путь мудрости, подобной зеркалу;

Желтый - путь мудрости равенства;

Красный - путь мудрости различия;

Зеленый - путь мудрости свершения.

На высшем интуитивном уровне умерший знает, что все "идеи" исходят из него и что четыре светлые пути мудрости - есть эманация его собственных психических способностей. Эта идея приводит нас к психологии л а м а и с т с к о й м а н д а л и, которую я уже обсуждал в изданной совместно с Рихардом Вильгельмом "Тайне Золотого Цветка".

Продолжая движение в области Ч е н и д мы достигаем, наконец, сферы, в которой перед нами предстают Четверо Великих: зеленый Амоха-Сидхи, красный-Амитаба, желтый Ратна-Самбава и белый Вакра-Сатва. Завершается восхождение голубым сиянием тела Будды - Дхарма-Дату-исходящее из центра мандалы или сердца Вайрочаны.

С этим видением "миражи кармы" прекращаются: сознание, освобождаясь от привязанности к формам и объектам, возвращается во вневременную, изначальную сферу Д х а р м а - К а й я. Таким образом, читая "Книгу мертвых" с конца, мы достигаем состояния Ч и г а й, наступающее в момент смерти.

Думаю, что приведенных мной разъяснений достаточно для того, чтобы внимательный читатель получил представление о психологии "Книги мертвых". Книга описывает - в обратном порядке - обряд посвящения, который, в противо-

вес эсхатологическим чаяниям христианства, подготавливает душу к нисхождению в мир физического существования. Исходя из крайне рационалистической и мирской направленности европейского сознания, целесообразно читать "Книгу мертвых" с конца к началу и рассматривать ее как описание восточного посвящения, хотя каждый может заменить богов "Ченид Бардо" христианскими символами. В любом случае, приведенная мной последовательность событий аналогична феноменологии европейского подсознания, подвергнутого "обряду посвящения" /иными словами, психологическому анализу/. Происходящая в ходе анализа трансформация подсознания позволяет соотнести его с религиозными обрядами посвящения, хотя последние принципиально отличаются от анализа тем, что предвосхищают естественный ход событий и заменяют самопроизвольно возникающие символы тщательно отобранной системой символов. /Таковы "Упражнения" Игнатия Лойолы или йогическая медитация буддистов и тантристов./

Изменение порядка чтения, предложенное мной для облегчения понимания "Книги мертвых", ни коим образом не соответствует ее подлинному замыслу. Точно так же использование книги в психологических целях — не более как побочная возможность, допускаемая, впрочем, ламаистской традицией. Подлинная цель этой необычной книги /сколь странной ни казалась бы она современному образованному европейцу/ — дать умершему сведения о его путешествии по областям Бардо. В западном мире только католическая церковь оказывает какую-то помощь душам умерших. Что касается протестанства, с его жизнеутверждающим оптимизмом, то здесь имеется лишь несколько "обществ спасения", члены которых убеждают умерших в том, что те мертвы. Однако, в целом на Западе нет ничего, идущего в сравнение с "Книгой мертвых" /за исключением, возможно, тайных сочинений, которые не доступны ни широкой публике, ни рядовым ученым/. Как видно из предисловия Эванс-Вентца, традиция считает "Книгу мертвых" одной из "тайных" книг, в которой описан специфический способ магического "исцеления души" после смерти. С рациональных позиций культ мертвых основывает-

ся на вере во вневременность души, но его иррациональную основу следует искать в психологической потребности живых что-нибудь сделать для умерших. Эта потребность появляется даже у "просвещенных" людей, переживших смерть близких или друзей, благодаря чему — независимо от степени нашей "просвещенности" — на Западе сохранились некоторые обряды, связанные с мертвыми /достаточно вспомнить мавзолей/. Однако, за исключением католических заупокойных месс, эти обряды находятся на очень низком уровне — и не потому, что мы не способны убедить себя в бессмертии души, а потому, что крайне рационализировали указанную психологическую потребность. Мы ведем себя так, словно ее нет и независимо от своей веры в жизнь после смерти, ничего не делаем для умерших. Уровень католических заупокойных месс достаточно высок, так как они направлены на психическое благополучие умерших, а не на слезливую сентиментальность живых. Однако и они не сравнимы с высочайшим духовным напряжением, запечатленным в "Книге мертвых". Ее наставления столь подробны и столь приспособлены к малейшим изменениям в состоянии умершего, что каждый серьезный читатель вынужден задать себе вопрос: "А что если мудрые ламы и в самом деле заглянули за пределы трех измерений и сорвали завесу с величайшей из тайн?"

Если даже удел истины — приносить людям разочарование, читая "Книгу мертвых" буквально ощущаешь ее истинность. Как неожиданно обнаружить загробное существование — относительно которого наше религиозное сознание сформировало величественные представления — окрашенным в мрачные тона кошмаров! Истинное просветление умершего наступает не в конце Бардо, а в его начале, в момент смерти, после чего происходит погружение в область иллюзий и неведения, постепенная деградация, завершающаяся новым рождением в физическом мире. Духовная вершина достигается человеком в момент завершения его жизни; следовательно, жизнь — средство для достижения высшего совершенства: именно она порождает карму, открывающую умершему возможность достичь вечный свет. Пустоты, остановиться в центре колеса рождений, освободиться от иллюзий возникнове-

ния и разрушения. Пребывание в Б а р д о не связано ни с вечным блаженством, ни с вечными муками: это нисхождение в очередную жизнь, которая приближает человека к его конечной цели, высочайшему плоду трудов и стремлений в период земной жизни. Трудно не признать возвышенный и героический характер этой точки зрения.

Нисхождение в области Б а р д о подтверждается западной спиритуалистической литературой, производящей, впрочем, отвратительное впечатление своими банальными и бессодержательными сведениями из "мира духов". Научная мысль без колебания истолковывает эти сведения как эманацию подсознания "медиумов" и даже распространяет такое толкование на "Тибетскую книгу мертвых". Действительно, трудно отрицать тот факт, что книга в целом порождена архетипическим содержанием бессознательного, за которым западный разум совершенно справедливо усматривает не физическую или метафизическую, а "всего-навсего" психическую реальность. Независимо от того, субъективно или объективно "дана" вещь, она е с т ь. "Книга мертвых" не утверждает ничего большего: нять ее Дхьяни-Будд- ни что иное, как характеристики психики. Умерший должен понять /если он не понял этого в течение жизни/, что его психическое "я" и "податель всего данного"- одно и то же. Мир богов и духов- это коллективное бессознательное внутри меня. Что- бы прочесть эту фразу в обратном порядке- "коллективное бессознательное- это мир богов и духов вне меня"- нужны не просто логические способности, а вся человеческая жизнь, и даже, возможно, несколько жизней все возрастающей п о л н о т ы. Заметьте, я не говорю "возрастающего совершенства", ибо, тот, кто совершенен, делает открытия совсем иного рода.

XXXXX